

УДК 82.0
DOI 10.17223/18137083/75/7

Хронотоп Сибири в материалах журнала «Настоящее» (1928–1930)

С. С. Васильев

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается новосибирский журнал «Настоящее» (1928–1930). Показано, что установка журнала на литературу факта ориентирует материалы на локальный контекст, который, однако, понимается достаточно широко – как контекст Сибири и даже всей азиатской части СССР. Подобное понимание рассматривается на примере всех типов материалов журнала: прозы, поэзии, фольклора, иллюстраций, фотографий. Указывается, что наиболее важной на страницах «Настоящего» считается литература быстрого реагирования, откликающаяся на текущие задачи пролетариата. Поэтому большинство относящихся к «литературе факта» материалов лишены этнографической составляющей, а локальное интересно не как экзотическое, а как соотносящееся со всесоюзным политическим контекстом (смычкой города и деревни, организацией коммун, борьбой с кулачеством).

Ключевые слова

журнал «Настоящее» (1928–1930, Новосибирск), литература факта, С. Третьяков, сибирский авангард

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Для цитирования

Васильев С. С. Хронотоп Сибири в материалах журнала «Настоящее» (1928–1930) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 96–105. DOI 10.17223/18137083/75/7

Chronotope of Siberia in the materials of the magazine “Nastoyashchee” (1928–1930)

S. S. Vasilyev

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the Novosibirsk magazine “Nastoyashchee” (The Present) (1928–1930). “Nastoyashchee” was oriented to the “fact literature”: the theory of new revolutionary

© С. С. Васильев, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

literature developed by the LEF (Left Art Front) group, which emphasized the importance of the reflection of the truth of life. Hence, the importance of journalism increases, with feuilleton and essay becoming the most important genres. Such an attitude to the fact literature orients materials of the magazine to the local context understood rather broadly – as the context of Siberia and even the entire Asian part of the USSR. This understanding is considered on the example of all types of magazine materials: prose, poetry, folklore, illustrations, photography. It should be noted that the magazine's attitude to the poetry was ambivalent: not only did it publish the poetry but also the articles with requests to stop writing poetry. Most significant was the literature of a quick response conforming to the current tasks of the proletariat. It is for this reason that most of the materials related to the fact literature had no ethnographic component, and the local was interesting not as exotic, but as correlating with USSR political context (the link between the city and the countryside, the organization of communes, the fight against the kulaks). The decisive role in writing is found to be inevitably assigned to sorting out the necessary facts illuminating life from the authors' side of interest, making "Nastoyashchee" similar to the LEF group with their selecting and editing "facts-friends" and criticism of "facts-enemies."

Keywords

Literary magazine "Nastoyashchee" (1928–1930, Novosibirsk), the fact literature, S. Tretyakov, Siberian avant-garde

Acknowledgments

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Vasilyev S. S. Chronotope of Siberia in the materials of the magazine "Nastoyashchee" (1928–1930). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 96–105. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/7

В названии издававшегося в 1928–1930 гг. в Новосибирске журнала «Настоящее» ёмко заключены две установки, определяющие его редакционную политику и характер журнальных публикаций.

Первая – установка на *настоящее* как подлинное, в противоположность искусственному, фиктивному. Вторая – противопоставление *настоящего* прошедшему и будущему: «Мы хотим показать сегодняшний советский день в действии» (1928, № 1, с. 3)¹. При этом настоящее конкретных топосов всё равно находится в постоянном движении и устремлено в будущее, что сжато сформулировано в нередко повторяющемся на страницах журнала лозунге «От патриархальной Горной Шории – к Тельбесу!».

Журнал был привержен «литературе факта», разрабатывавшейся левовцами концепции новой революционной литературы, делавшей акцент на отражение жизненной правды:

Отвращая от литературы праздной выдумки, преподносимой под флагом заповедного и раз навсегда мистически предначертанного «художества», мы всячески обращаем внимание наших товарищей на новую, пробивающую уже себе дорогу литературу, – литературу не наивного и лживого

¹ Здесь и далее при ссылках на материалы из журнала «Настоящее» название издания опущено; в круглых скобках указываются год, номер выпуска и номер (или номера) страниц.

правдоподобия, а самой всамделишной и максимально точно высказанной правды [Литература факта..., 1929, с. 5].

Именно газетный и журнальный медиум, как пишет Сергей Третьяков в статье «Новый Лев Толстой», считается теоретиками ЛЕФа наиболее подходящим для нового подхода к литературе, приобретает ведущую роль:

Нам нечего ждать Толстых, ибо у нас есть наш эпос. Наш эпос – газета.
<...>

Вся безымянная газетная масса, от рабкора до центрального передовика – это коллективный Толстой наших дней [Литература факта..., 1929, с. 31, 33].

Неудивительно, таким образом, что журнал «Настоящее» получил хвалебный отзыв Сергея Третьякова:

Первая ценность этого журнала – установка на факт. За короткий срок журнал объединил вокруг себя группу интереснейших репортеров-фиксаторов, выворачивающих из глуши лесов и квартир груды интереснейших фактов, зачастую идущих наперекрест нашим сложившимся представлениям о том, как живет обыватель, какие процессы дифференциации происходят в его гуще, а главное, что делается в деревне. Журнал приучает своих корреспондентов писать бесстрашные статьи и заметки с упоминанием всех имён и адресов, статьи, которые бьют по движущимся мишеням нашей действительности [Третьяков, 1928, с. 43].

Настоящцы не сводят литературу к журналистике, художественная литература для них также важна, но это художественная литература особого типа, как заявлено в материале «Нужна ли художественная литература?»:

Конечно, нужна.

Но литература такая, которая смотрит на жизнь глазами строителя социализма, глазами производственника, организатора, волевика. Для этого литература должна пойти в жизнь и стать литературой факта (1928, № 11–12, с. 27).

Итак, для «Настоящего» характерна установка на литературу факта. Подобная установка ориентировала материалы журнала на повествование о локальном, однако эта локальность понималась достаточно широко: освещалась не только жизнь Новосибирска и окрестных деревень, но и, шире, Сибири и даже всей азиатской части СССР². Так, уже в первом номере журнала есть, например, этнографический очерк Н. Анова (Н. И. Иванова; 1891–1980) «Капкара» об обряде козлодрания в Таджикской советской республике, наполненный ярким колоритом³:

² В этом смысле журнал соотносится с третьяковской идеей концентрических колец нового газетного эпоса: «Своеобразными концентрическими кольцами, включёнными одно в другое, ложится материал в этом эпосе: весь мир, Союз Советов, моя республика, моя губерния, мой город, мой завод. А на эпосе фактов строится пафос ежедневного учительства, очередной директивы зова, лозунга, требования и агитационного нажима» [Литература факта..., 1929, с. 33].

³ Примечательно, что уже в этом очерке виден интерес Николая Анова к Памиру. К литературной группе «Памир» («Сибирская бригада») Анов присоединится в том же 1928 г.

Козлодрание началось речью ответсекретаря парткома. Ответсекретарь говорил о советской власти, о хороших лошадях, о коммунистической партии, правилах капкары, восточной политике и двенадцати призах, назначенных лучшим бегунцам. Потом он бросил приготовленного козла с отрезанной головой в круг всадников, и капкара началась.

<...>

Нагайки свистели в воздухе, крики, стоны, вопли неслись со всех сторон. Хрипели лошади, сбрасывая густую пену, матерно ругались европейцы, едва сдерживая коней.

Козел с оторванными ногами переходил из рук в руки; люди не чуяли боли и крови, были пьяны борьбой, горячим потом, ненавистью к противнику.

Кудрин работал нагайкой направо и налево. Вот вылетел с седла завполитпросветом. Нет, удержался. Вот он хлопнул нагайкой Магомет-Оглы.

– И-э-э-х!

Кудрин ловко перехватил козла на лету, а шпотинский конь вынес его в степь.

Кудрин получил приз. Сзади подъезжали неудачные противники (1928, № 1, с. 15).

Установка на подобное расширенное понимание локального поддерживается на протяжении всего существования журнала и иллюстрациями. В разных выпусках встречаются рисунки и линогравюры с изображением тех или иных мест, которые можно разделить на три группы.

Во-первых, это рисунки с изображением Новосибирска. К таким относятся «Ельцовка» (1928, № 10, с. 24), «Новосибирск. Красный проспект» (1928, № 10, с. 19) и «Новосибирск. Мельницы» (1928, № 10, с. 21) С. Липина, «Новосибирск» (1928, № 1, с. 30) П. Ивакина.

Во-вторых, это рисунки с изображением разных мест Сибири. К таким относятся цикл «Ойротия» (1928, № 1, с. 16, 21; 1928, № 3, с. 13, 15, 22; 1928, № 4–5, с. 21, 23; 1928, № 10, с. 4) Н. Чевалкова, «Хакасия. Шаман» (1928, № 1, с. 28) и «Хакасия. Хозяйки» (1928, № 3, с. 23) А. Заковряшина, «Чалдоны» (1928, № 2, с. 6) и цикл «Анжерские зарисовки» (1928, № 11–12, с. 4, 19) С. Липина, цикл А. Емельяновой «Бурято-Монголия» (1928, № 4–5, с. 6, 11, 23), «На Оби. В праздник» (1928, № 1, с. 9) П. Ивакина, «Байкал. В бурю» (1928, № 8, с. 17) В. Анисимова.

В-третьих, это рисунки с изображением картин природы и быта азиатских республик СССР. К таким относятся «У озера Балхаш» (1928, № 1, с. 25), «Киргизка» (1928, № 2, с. 20), «Музыка (Узбекистан)» (1928, № 3, с. 21) В. Уфимцева, «Киргиз» (1928, № 3, с. 5) А. Клементьева.

Фотоснимки в журнале встречаются нечасто, но тоже работают на вписывание локального в общесоюзное. Так, фото А. Вощакина из серии «Хакасия» в духе эйзенштейновского фильма «Старое и новое» демонстрируют нам примитивное неработающее изобретение старика-кержака и новенький трактор мелиоративного товарищества. При этом снимок с трактором мог быть сделан где угодно, этнографическая составляющая, которая, казалось бы, могла быть очень хорошо зафиксирована средствами фотографии, здесь вовсе отсутствует.

Литературная позиция журнала была прямо выражена в № 4–5 за 1928 г., где в материале «От литературной группы “Настоящее”» было заявлено о тесной связи литературы с политикой и идеологией.

1. Литература всегда была и теперь является в руках общественных классов одним из орудий производства их идеологии.

2. Враждебные пролетариату классы пытались и пытаются сохранить за собой идеологическое оружие в виде литературы, прикрываясь реакционной теорией о литературе как о самодовлеющей культурной ценности, строительство которой не допускает подчинения очередным классовым задачам.

3. Таким образом, разделение литературы на высокую и низкую, временную и вечную, противопоставление литературы журналистике – реакционно, так как это способствует отрыву работников литературы и литературной молодежи от настоящего, от текущих боевых задач пролетариата.

4. В условиях пролетарской диктатуры литература как особый, специфически общественный вид работы должна целиком подчинять свои задачи целям и задачам рабочего класса и его борьбы: строительству социализма, укреплению классовых позиций пролетариата и его союза с бедняцко-среднеклассовыми слоями крестьянства.

5. Поэтому необходимо сплочение тех работников литературы, которые с полной искренностью и безоговорочно ставят свою литературную работу на повседневную службу пролетариату. Для тех, кто искренно предан рабочему классу, сознательное подчинение литературной работы текущим задачам классовой борьбы пролетариата не только не ограничивает совершенствования литературной формы, но, наоборот, ставит перед ними требование и открывает новые возможности для достижения максимальной выразительности и силы воздействия литературных средств (1928, № 4–5, с. 3).

Следовательно, решающая роль неизбежно отводится подбору нужных фактов, освещающих жизнь с интересующей авторов стороны, что роднит настоящих с левыми с их отбором и монтажом «фактов-друзей», описанным в статье Третьякова «Продолжение следует»:

Для нас, фактофиков, не может быть фактов «как таковых». Есть факт-эффект и факт-дефект. Факт, усиливающий наши социалистические позиции, и факт, их ослабляющий. Факт-друг и факт-враг [Литература факта..., 1929, с. 268].

Единственно важной оказывается литература быстрого реагирования, откликающаяся на *настоящие*, текущие задачи пролетариата. Поэтому большинство относящихся к литературе факта материалов лишены этнографической составляющей: они посвящены актуальным политическим всесоюзным проблемам (смычке города и деревни, организации коммун, борьбе с кулачеством и т. д.), но рассматриваются на примере локальных контекстов. Такова, например, статья А. Фетисова «Среди анжерских углекопов. Записки репортера», где автора интересуют отношение рабочих Анжерка к труду, организация обучения молодежи и проблема бюрократии, а не этнографические описания:

Как ни печально, но должен я констатировать: отношение части рабочей молодежи к производству нехорошее. Я уяснил это из многих бесед с ребятами. Рваческие настроения существуют среди молодежи, и старики-шахтеры очень неодобрительно к этому относятся.

Не вся, конечно, молодежь такая.

Недавно была торжественная раздача премий 29 лучшим производственникам из молодежи. По-моему, замечательнейший день, а у нас печатают об этом мелким шрифтом, на задворках газеты. Двадцать девять человек

из 1500 – как мало! Как ничтожна эта цифра! Все же дает она большую, большую радость.

Беседовал со многими рабочими о хулиганстве. Здорово интересно. Один, Петька Андреев, был отъявленным хулиганом, в домзаке сидел за хулиганство, а теперь – примерный парень. Я с ним долго разговаривал.

Здесь проводится месячник борьбы с хулиганством. Хочу провести анкету, устную, конечно, на тему: «Почему я хулиганю?»

С комсомолом у меня так: хожу в ячейку шахты и всех убеждаю, что я беспартийный. А то чуть бюро райкома комсомола доклад на активе мне не всучило. Неловкое положение.

Со школой – скверно. Бюрократизм отвратительный и тут показал себя.

Откровенно сознаюсь – отрадное впечатление произвели на меня пионеры-школьники. Это уж новые люди. Доподлинно новые (1928, № 2, с. 19).

К статьям подобного рода можно также отнести материалы А. Фетисова «Журналист в Анжерке» (1928, № 3, с. 5), Е. Иванова «Их лучшая сказка» (1928, № 4–5, с. 10) (про Хакасию), М. Поликанова «Город Черемхово» (1928, № 9, с. 24), Т. Чуева «Близкая Тува» (1928, № 10, с. 11).

Квинтэссенцией литературы факта в сибирском изводе предстает «Интервью с коровой» (1928, № 8, с. 3). Статья посвящена попытке выяснить, почему коровы стали давать на 40 процентов меньше масла. Этот факт признается значительным⁴, так как Сибирь дает 80 процентов экспорта масла всего СССР.

Если бы корова умела говорить!.. Но за нее могут говорить факты. Дайте слово фактам! Это будет подлинное интервью с коровой (1928, № 8, с. 3).

Настоящее. 1928. № 8, с. 4
(рисунок А. Заковряшина)
Nastoyashchee. 1928, no. 8, p. 4
(illustration by A. Zakovryashin)

⁴ Тема действительно была актуальна в местной периодике. Так, схожая проблематика рассматривается в статье «Подвела ли нас корова?» [Карасенко, 1927, с. 2].

Сравнивая разнообразную статистику довоенного и настоящего времени, автор статьи приходит к выводу, что вина в сокращении количества масла лежит на кооперативных заводах. Программный характер статье придает и редчайший случай буквального иллюстрирования – как правило, текст и иллюстрация в журнале самодостаточны, мало связаны друг с другом.

Непростые отношения сложились у журнала «Настоящее» с поэзией. С одной стороны, на его страницах регулярно появляются отповеди начинающим стихотворцам и призывы писать не стихи, а прозу. Таков, например, материал «Пишите, пожалуйста, прозой»⁵.

Очень немногие знают, что поэзия – это трудное мастерство, что для того, чтобы писать стихи, надо учиться и много работать. Несомненно, эпидемии стихоплетства способствует еще бессюжетность, бестемность, которая почему-то допускается в стихах. Прозу печатают только в том случае, если она о чем-нибудь говорит, если есть содержание, а стихи можно писать «вообще».

«Сине, бело – разнообразно», щиплет в душе, щекочет пятки, и восторг, и печаль, или просто завывание на луну. Ни за чем, ни для чего, а так, без всякого повода, если не считать поводом стремление к славе.

Ужасные последствия поэтической хвори пока испытывают только редактора. Читатели по неосведомленности недооценивают, какую огромную работу оказывают им редактора, спасая их внимание и время от поэтического потока.

Но, боже мой, какая скука

Сидеть с больным и день и ночь...

Послушайте, дорогие товарищи поэты, пишите, пожалуйста, прозой (1928, № 8, с. 27)⁶.

С другой стороны, стихотворные произведения на страницы журнала проникают достаточно регулярно. В них пространство Сибири предстает как пространство специфическое, локальное и в то же самое время как вписанное во всесоюзный контекст. Характерен в этом смысле помещенный в первом номере материал «Бурятские песни о Ленине: Из собраний А. К. Бадмаева, Т. А. Бертелева и Г. А. Улаханова» (1928, № 1, с. 9). Это фольклорное произведение (или же стилизация под него) соединяет в одном ряду как элементы локального уровня («Бурятскому народу стало легче и лучше»), так и всесоюзного (постоянные упоминания комсомола). Такое соединение достигает кульминации в параллелизме последней строфы:

Если красный платок износился,

То пусть город Удинск соткет.

Если красный Ленин умер,

То пусть его заменит молодежь

(1928, № 1, с. 9).

⁵ Характерно, что в помещённом в последнем номере «Настоящего» списке всех материалов журнала за два года статья «Пишите, пожалуйста, прозой» отнесена к разделу «Редакционные и передовые статьи».

⁶ Для большего контраста на этой же странице объявлен конкурс на лучший очерк, фельетон, памфлет.

Заметим, что «сибирскость», локальность постулируется здесь лишь при помощи топонимов, тогда как, скажем, представители трудового народа ничем не выделяются: это усредненный образ хлебопашцев, освобожденных от буржуев. Коммунизм же, по сути, предстает как стихийная сила, подменяющая собой локальную, местную природу, что отчетливо видно из многочисленных параллелизмов («Упавший с севера ветер / В березках шумит. / Вступившие в комсомол друзья / В школе шумят» или «Когда перестал идти мелкий дождик / Полегче стало птенцу кроншнепа / Когда установилась власть Ульянова, / Народу стало легче и лучше»).

«Бурятские песни о Ленине» вписываются в широкий контекст «фольклора об основателях коммунизма», который, как пишет Гюнтер, создавался для формирования идеи народности, приходящей на смену идее классовости.

В тоталитарных обществах происходит фольклоризация всей культуры путем «возрождения» народных традиций. С одной стороны, оживляются народные песни и танцы, с другой – мотивы и приемы фольклора рекомендуются как образец для профессионального искусства. В то время как в Германии фольклор должен был выразить вечную суть немецкого народа, в советской России привилась сталинская формула культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию» [Соцреалистический канон, 2000, с. 385].

При этом сложно установить, насколько тот или иной образец фольклора действительно фольклорен, а насколько он есть плод целенаправленной авторской идеологической работы [MacKay, 2006, p. 383–385].

К эксплуатирующим фольклорные мотивы материалам «Настоящего» примыкают и «Стихи о хакасской девушке» П. Юрзина (1928, № 2, с. 15). Любовь девушки Силих и председателя комсомола вдохновлена портретом Ленина, напроносившим Силих счастье. Встреча с суженым происходит в избечитальне и заканчивается предложением вступить в комсомол. Отец Силих, вполне возможно, представитель классово чуждых элементов (что видно из угрозы «отец кулак упружит»); во всяком случае, он резко возражает против подобных отношений и в конце концов вынуждает девушку покинуть родные места. Стихотворение, таким образом, вписывается в важный в это время контекст борьбы с кулачеством. В бурятских частушках из статьи А. Гуревича «О чем поет молодая рыбацка» (1929, № 3, с. 13) местный колорит вовсе исчезает, зато полно колорита коммунистического: «Когда-то я любила / Кулака-предателя, / А в кресткоме любила / Ваню председателя». Коммунистический колорит находим и в «Поэзии, которая не отстаёт от жизни»: «Красна армия, не бойся / С Чемберленом воевать. / На подмогу из деревни / Будем смену подавать. / Ах, Саян – крутые горы, / Их верхушек не видать. / В Красну армию с охотой / Я пошел бы воевать. / Крой, миллашка, я не выдам, / Только ты не выдавай. / Чемберлена стану жарить – / Ты патроны подавай» (1928, № 11–12, с. 18).

В переложениях П. Драверта «Из киргизских пословиц» (1928, № 3, с. 10) мы и вовсе не встретим ни местного колорита, ни колорита коммунистического. Это лишь рифмованные афоризмы, напоминающие скорее русские, чем киргизские пословицы: «Руками прежде десять раз отмерь, / Хотя бы хорошо глаза твои глядели. / Бери не ту, что увидал сквозь дверь, / А ту, которую ты знаешь с колыбели».

Особое место среди стихотворений занимает произведение П. Драверта «Зачем пятилетку в четыре года» с подзаголовком «Вместо стихов», в котором перечисляются достижения начала пятилетки. Автор выбирает для такого перечисления не форму обычного журналистского очерка (хотя подобный текст очень легко представить себе записанным в строчку), а форму верлибра, в котором короткие, зачастую состоящие из одного слова стихи и частые анафоры ярко подчёркивают динамику всесоюзной стройки: «Новые коксовые установки / в Днепропетровске / в Мариуполе / в Криворожьи / в Москве / в Кизеле / в Нижней Салде / на Ворошиловском и Магнитогорском заводах / в Тельбесе / в Кузбассе / Общей стоимостью 146 миллионов рублей» (1929, № 8–9, с. 10).

Всесоюзного контекста для «Настоящего», однако, оказывается мало, и авторы журнала активно соотносятся с контекстом мировым. Наиболее напряженные и амбивалентные отношения у «сибирского Чикаго» складываются с Америкой (см.: [Капинос, 2016]).

О зарубежной литературе в «Настоящем» говорится не только в отрицательном ключе. Так, в № 11–12 за 1928 г. печатается несколько материалов об Эптоне Синкере (который противопоставляется «литературно-водочному Кэрвуду»), а его портрет красуется сразу над списком редакторов журнала. Статья об американском писателе была переведена из журнала «New Masses», и это не единственный случай взаимодействия с этим изданием. В № 1 за 1929 г. был помещен переводной рассказ Майкла Голда «На свалке», а в № 1 за 1930 г. вошел рисунок, ранее публиковавшийся в «New Masses». Более того, в № 1 за 1929 г. об американском журнале сказано, что это журнал вроде «Настоящего» (1929, № 1, с. 3). Справедливости ради следует сказать, что этот журнал начал выходить в 1926 г., и генеалогия здесь должна быть обратной.

Итак, мы видим, что журнал «Настоящее» и в прозаических, и в стихотворных, и в иллюстративных материалах пытался, с одной стороны, остаться в рамках широко понимаемого локального контекста Сибири и Азии, а с другой стороны, не отказывался от участия во всесоюзном и общемировом контексте.

Список литературы

Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в Новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 138–165.

Карасенко К. Подвела ли нас корова? // Сов. Сибирь. 1927. № 3 (2144), 5 янв. С. 2.

Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа: Сб. ст. / Под ред. Н. Ф. Чужака. М.: Федерация, 1929. 268 с.

Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Третьяков С. Настоящее «Настоящее» // Новый Леф. 1928. № 5, май. С. 43–44.

MacKay J. Allegory and accommodation: Vertov's Three Songs of Lenin (1934) as a Stalinist Film // Film History. 2006. Vol. 18. P. 376–391.

References

Kapinos E. V. "Literatura" i "fakt" v Novosibirskom zhurnale "Nastoyashchee" (1928–1930) ["Literature" and "fact" in the Novosibirsk literary magazine "Nastoyashchee" (1928–1930)]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2016, no. 2, pp. 138–165.

MacKay J. Allegory and accommodation: Vertov's Three Songs of Lenin (1934) as a Stalinist Film. *Film History*, 2006, vol. 18, pp. 376–391.

Karassenko K. Podvela li nas korova? [Did the cow let us down?]. *Sov. Sibir'*. 1927, no. 3 (2144), 5 January, p. 2.

Literatura fakta: Pervyy sbornik materialov rabotnikov LEFa: Sb. st. [Literature of Fact: The first collection of materials from LEF employees: coll. of art.]. N. F. Chuzhak (Ed.). Moscow, Federatsiya, 1929, 268 p.

Sotsrealisticheskiy kanon: Sb. st. [Socialist realism canon: coll of art.]. Dobrenko E., Günther H. (Eds). St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, 1040 p.

Tret'yakov S. Nastoyashchee "Nastoyashchee" [The real "Nastoyashchee"]. *Novyy Lef*. 1928, no. 5, May, pp. 43–44.

Сведения об авторе

Васильев Сергей Сергеевич – лаборант-исследователь лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

sergey_vasiliev@yahoo.com

Information about the author

Sergey S. Vasilyev – Laboratory Assistant of the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

sergey_vasiliev@yahoo.com